

УДК 90.8(1=16)-Гильф. "18":94(=162.5)

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ В РОССИИ В XIX В.

Людмила ЛАПТЕВА

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
кафедра истории западных и южных славян,
Воробьевы горы, 1-й Учебный корпус, 119992 Москва, Россия
тел. (8 107 499) 122 67 18, e-mail: slav_sait@yahoo.com*

В статье проанализированы сорабистические труды известного русского учёного-слависта А. Ф. Гильфердинга (1831–1872), посвященные истории и культуре Верхней и Нижней Лужиц, а также вопросам национального возрождения лужицких сербов. В работе исследованы русско-лужицкие контакты А. Гильфердинга и Я. А. Смолера.

Ключевые слова: А. Ф. Гильфердинг, Я. А. Смолер, славяноведение в России в XIX в., лужицкое национальное возрождение.

В статті проаналізовано сорабістичні праці відомого російського вченого-слависта А. Ф. Гільфердінга (1831–1872), присвячені історії та культурі Верхньої та Нижньої Лужиць та питанням національного відродження серболужицян. Досліджено російсько-лужицькі взаємини, контакти А. Гільфердінга та Я. А. Смолера.

Ключові слова: А. Ф. Гільфердінг, Я. А. Смолер, слов'язознавство у Росії в XIX ст., лужицьке національне відродження.

Интерес к лужицким сербам возник в России в начале XIX века, однако в литературе он нашел отражение значительно позднее. Наиболее обстоятельные для начала XIX века сведения о лужицких сербах и области их обитания содержатся в “Путевом дневнике” В. Ф. Тимковского. Этот дневник, составленный в 1814 г., много десятилетий находился в неизвестности и лишь сравнительно недавно был введен в научный оборот¹. Таким образом, современники о нем ничего не знали. Автор дневника, Василий Федорович Тимковский (1781–1832)² был чиновником канцелярии Государственного секретаря Российской империи А. С. Шишкова (1754–1841) и вместе со своим патроном

¹ “Путевой дневник” В. Ф. Тимковского хранится в Отделе рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского Академии наук Украины (НБУ НАН) в Киеве, куда поступил в 1932 г. от частного лица. В 1934–1935 гг. дневник изучал известный киевский славист А. И. Степович (1856–1935), но написанная им статья не была опубликована. Четыре варианта ее хранятся в ОРНБУ (фонд Степовича; шифр: ф. 179 № 135). В 60-е годы XX в. о дневнике писал Л. А. Шейман, но его статьи появились в таких изданиях, которые были недоступны за пределами Киргизской союзной республики, а именно: [26, 24]. Затем “Дневник” упомянут в статье: Апанович Е. М. [1: 100]. Далее вышла в свет еще одна работа Шеймана Л. А. [25]. Вызванная этой статьей полемика опубликована в: *Lëtöpis. Rjad B. Zeš.* 34. 1987. S. 99–107. Кроме того, вышли работы Лаптевой Л. П.: [12] и [30]. Подробнее о В. Ф. Тимковском и его дневнике в книге Лаптевой Л. П. [13: 19–26] и др.

² Ранняя литература о Тимковском: [15; 27 :125; 28: 183].

сопровождал русского императора Александра I после разгрома армии Наполеона в России в 1812 г. и перенесения военных действий в 1813 г. на территорию Западной Европы. Находясь в Германии, В. Ф. Тимковский уже в 1813 г. побывал в Лужицах, а в конце сентября – начале октября 1814 г. совершил поездку из Берлина в Варшаву по территории Лужицы, вероятно по служебным делам. По дороге Тимковский останавливался в ряде мест, знакомился с обычаями и нравами населения и свои впечатления зафиксировал в “Дневнике”. В виду того, что “Дневник” не был опубликован при жизни его автора и предан забвению впоследствии, о нем не знал и И. И. Срезневский, высказавший уверенность в том, что именно он первым из представителей России в 1840 г. посетил лужицких сербов и заинтересовался их жизнью и литературой³. Первенство И. И. Срезневского (1812–1880) выражается в другом: именно этому русскому ученому принадлежит честь глубокого изучения духовной культуры лужицких сербов, подробного знакомства с территорией их расселения, их нравами, обычаями, фольклором. И. И. Срезневский прошел пешком по значительной территории Лужиц, изучил практически серболужицкие языки и овладел их письменным богатством. Ему же принадлежит первое не только в России, но и в Европе вообще описание духовной жизни серболужицкой народности с древнейших времен до 1842 г. В 1844 г. И. И. Срезневский опубликовал “Исторический очерк серболужицкой литературы” [22]. Работа имела большое значения для дальнейших научных исследований о лужицких сербах, а также и для развития национального самосознания их самих. В ней характеризовалась литература обоих наречий и обоих вероисповеданий. Используя этот труд как исходную точку можно было продолжать изучение предмета. Работа И. И. Срезневского возбудила глубокий интерес и породила новые исследования. Лужицкими сербами интересовались и другие родоначальники русского славяноведения. Так, профессор Московского университета О. М. Бодянский (1808–1877) широко использовал серболужицкие материалы в своей педагогической деятельности⁴. Его ученик Е. П. Новиков⁵ (1826–1903) в 1849 г. опубликовал работу “О важнейших особенностях лужицких наречий”. Активно пропагандировал серболужицкую литературу в Российской империи филолог-славист П. П. Дубровский (1812–1882). В 1842–1843 гг. он издавал в Варшаве литературный журнал “Денница” на русском и польском языках параллельно и был главным пропагандистом знаний о серболужицком национальном движении [14]. Лужицкими сербами интересовался К. С. Аксаков – ученый, этнограф, фольклорист, один из теоретиков славянофильского направления русской общественной мысли. В 1851 г. он опубликовал работу “О древнем быте славян вообще и русских в особенности”, где помещены серболужицкие народные песни, а также отрывки из сочинений Я. А. Смолера. Крупный общественный деятель славянофильского направления, публицист, литературный критик, издатель газет и журналов, поэт И. С. Аксаков (1823–1886) также весьма способствовал распространению в России сведений о лужицких сербах. С 1858 г. он стал редактором славянофильского журнала “Русская беседа”, основал газету “Парус”, с 1861 по 1865 был издателем и редактором газеты “День”, а в 1867–1868 редактировал газету “Москва”. На страницах этих изданий он помещал различные сведения о лужицких сербах, материально поддерживал их национальные начинания и находился с ними в контакте [7; 11: 178–201].

Продолжателем научного изучения истории духовной жизни лужицких сербов, начатого И. И. Срезневским, был Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). Он принадлежал к крупнейшим русским славистам XIX века и являлся главным творцом

³ Об И. И. Срезневском существует большая литература. Его связи с лужицкими сербами оцениваются в кн.: [13: 33–78; 11: 7–14].

⁴ См. об этом: [9]. Расширенный вариант этой статьи см.: [10].

⁵ См. о нем: [11: 28–30].

славянофильской теории исторического развития западного и южного славянства. О нем имеется значительная литература. Ее список приведен в монографии Л. П. Лаптевой “История славяноведения в России в XIX веке”⁶, поэтому в настоящей статье можно ограничиться лишь краткими сведениями. А. Ф. Гильфердинг родился в Варшаве, где его отец занимал должность директора дипломатической канцелярии при наместнике Царства Польского – Паскевиче. Предки Гильфердинга происходили из Саксонии. Семья сохраняла католическое вероисповедание, но будущий ученый в пятнадцатилетнем возрасте был “к православной вере присоединен”. В 1848 г. А. Ф. Гильфердинг поступил в Московский университет и после его окончания начал свою ученую деятельность. В 1853 г. вышло его сочинение “О сродстве языка славянского с санскритским” [6], а его продолжением стала магистерская диссертация “Об отношении языка славянского к языкам родственным” [5].

Защитив магистерскую диссертацию, Гильфердинг поступил на службу в Министерство иностранных дел, а свой досуг посвящал научной работе. Основные его исторические труды исследуют прошлое балтийских славян, южных славян и Чехии. В России 50–60-х годов XIX века было мало литературы по истории славян, некоторые аспекты славянского прошлого вообще не были известны. Гильфердинг явился родоначальником их изучения. Он – автор работ “История балтийских славян” (1855), “Письма об истории сербов и болгар” (1859), “Очерк истории Чехии” (1862) и множества других сочинений, составивших четырехтомное собрание. Труды А. Ф. Гильфердинга основаны на материалах источников, открытых в значительной мере самим автором и впервые введенных им в научный оборот, но освещение истории славян он представлял со славянофильских позиций – теории искусственной, романтической и утопической.

А. Ф. Гильфердинг сочетал научную работу с дипломатической деятельностью. С 1856 по 1859 г. он являлся российским консулом в Боснии. Возвратившись в Россию, служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, затем в Государственной канцелярии и в Комитете по делам Царства Польского. Одновременно он продолжал активную научную и публицистическую деятельность. С 1868 г. был председателем петербургского отдела Славянского Благотворительного Комитета, занимал также должность председателя этнографического отдела Русского Географического общества. На рубеже 60-х и 70-х годов он заинтересовался открытыми в Олонецкой губернии образцами живой эпической поэзии – большого числа былин. Открытие было для ученого мира неожиданностью, поскольку считалось, что русский эпос исчез окончательно. Гильфердинг решил ознакомиться с былинами на месте и летом 1871 г. совершил поездку в Олонецкую губернию. Результатом ее явилось чрезвычайно интересное описание народного быта и издание огромного собрания былин. В 1872 г. Гильфердинг вторично отправился в Олонецкий край, но по дороге заразился тифом и умер 20 июня. Собранные им былины стали заметным вкладом в историю русской словесности. Существенное значение имело изучение Гильфердингом лужицких сербов. Хронологически он был в этом вопросе продолжателем И. И. Срезневского, но последний к этому времени уже оставил сорабистические сюжеты и перешел к другим проблемам. В связи со своими научными изысканиями об истории балтийских славян Гильфердинг в 1855 г. побывал в Лужице. В Будишине он два дня провел со Смолером [18]⁷, посетил Герлиц, где организовал переписку словаря языка полабских славян, составленного Христианом Геннигом (1649–1719). Как сообщал А. Ф. Гильфердинг чешскому ученому Я. Вртятко, сербы будишинские приняли его как родного, особенно он был принят как нельзя лучше

⁶ См. [21; 8]. Изучение А. Ф. Гильфердингом лужицких сербов освещено в соч.: [13: 132–151; 11: 30–35].

⁷ Опубликовано: Документы по истории славяноведения в России (1850–1912). Москва; Ленинград, 1948. С. 5.

Смолером [19]. Важнейшим итогом пребывания Гильфердинга в Лужицах было его сочинение о серболужицком возрождении. Работа написана сразу же после возвращения Гильфердинга из заграничного путешествия 1855 г. по самым свежим впечатлениям, и под названием “Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии” опубликована в журнале “Русская беседа” [4].

Отметим, что истории лужицких сербов Гильфердинг касался и в своих трудах по истории балтийских славян. Так, он первый в русской историографии заметил, что “сербы и лужичане были отрезаны от славян балтийских непроходимыми лесами и болотами и составляли племя, совершенно от них отдельное как по наречию, так и по историческому развитию” [2: 5]. Отмечая некоторые особенности истории сербов-лужичан, Гильфердинг пишет: “Лужицкие сербы, вероятно, приняли христианство от Мефодия. Этим и объясняется, что они без особого сопротивления стали христианами и при немецких властях. Борьба их с немцами в течение первой половины X века велась за независимость, но не имела в себе того ожесточенного фанатизма, с каким соседи сербов – балтийские славяне – защищали вместе со свободою и языческих богов своих. Скорому и легкому приятию христианства лабские сербы были обязаны тем, что они избегли полного истребления, какому подверглись племена балтийские, и что хотя бы частица их края, некогда обширная, сохранила дольше славянский язык и славянскую народность” [3: 306].

Следует отметить, что факт принятия христианства лужицкими сербами от Мефодия в источниках не находит подтверждения. А. Ф. Гильфердинг отдает здесь дань славянофильской теории об исконности православной религии для славян, считая к тому же кирилло-мефодиевскую миссию православной, что также не соответствует действительности.

Статья “Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии” по заявлению самого Гильфердинга “написана так подробно, что включает в себя... все сведения об их литературном развитии, какие могут быть занимательны для русской публики” [17: 211]. “Я попросил Я. А. Смолера, одного из главных умственных деятелей в этом крае... рассказать мне во всей подробности, каким образом возродилась и получила признание славянская народность в Королевстве Саксонском” [4: 20]. В работе Гильфердинг использовал и письменные материалы для освещения серболужицкого возрождения. От анализа ранней литературы лужицких сербов автор отказался, сославшись на “Исторический очерк сербо-лужицкой литературы” И. И. Срезневского. Свое изложение Гильфердинг начинает указанием на численность серболужичан – 160 тысяч человек. Говорится о границах их расселения, религиозной принадлежности, площади занимаемой ими территории [4: 19–20]. Автор констатирует: “Пространство всей земли серболужицкой не более одного уезда в Российской губернии... Целый народ сербов-лужичан не превышает числом населения какого-либо второстепенного города, как Варшава или Гамбург” [4: 41]. В статье характеризуется далее начало возрождения национальной жизни, создание серболужицких обществ, издание газет, деятельность отдельных лиц, мероприятия, свидетельствующие о национальной активности народа. Особое место отводится освещению национальной политики в период революции 1848–1849 гг. В работе имеется характеристика национальной жизни в Нижней Лужице, упоминания об экономическом положении населения Верхней Лужицы, дается характеристика серболужицкого языка, приводятся образцы текстов на нем, в том числе песен. Гильфердинг не останавливается на причинах “внезапного пробуждения” почти онемеченного малочисленного народа и вообще в своей статье проявляет мало интереса к причинам описываемых явлений, ограничиваясь констатацией фактов. В статье дается характеристика всех значительных представителей серболужицкого национального движения, главное внимание при этом уделяется Я. А. Смолеру. На ярких примерах из его жизни Гильфердинг

показывает, сколь искусно этот народный вождь умел использовать в сложных обстоятельствах все возможные средства для сохранения серболужицкой народности. А. Гильфердинг рассказывает о сборе Смолером серболужицких народных песен, об изучении быта народа, об определении им границ расселения лужицких сербов. Автор статьи освещает историю издания знаменитого сборника серболужицких песен, который им высоко оценивается: “Ни один славянский народ не имеет и ныне еще такого полного национального великолепного издания своих песен, как бедный народец серболужицкий” [4: 46], – пишет он. Описывая культурные события, Гильфердинг выделяет создание Матицы Серболужицкой в 1846 году и ее утверждение властями в 1847 г., говорит об устройстве Матицы, ее членах, ее “Часописе” и других изданиях. В частности упомянуто, что Матица издала “прекрасную, самую подробную статистику Верхних Лужиц, составленную пастором Якубом” [4: 46].

Особое место в работе Гильфердинга отводится освещению вопроса об отношении выступающих от имени всего народа национальных деятелей к революционным событиям 1848–1849 годов. Политическая позиция серболужицких национальных деятелей, группировавшихся вокруг Матицы, была в эти годы консервативной. Гильфердинг видит в умеренности лужицких сербов источник дальнейших успехов их национальной жизни и излагает преимущества, приобретенные ими в результате “примерного поведения” в годы “движения и волнений во всей Германии и во всем западном славянстве”. “Год, когда свершилась революция, – пишет Гильфердинг, – был во всех отношениях благоприятен для маленькой серболужицкой народности. Не увлекаясь никакой несбыточной мечтою, она осталась верна прежнему порядку, когда всё вокруг с ума сходило на толках франкфуртских демагогов, и воспользовалась порою преобразований и переворотов лишь для того, чтобы устроить свое официальное положение в государстве и окончательным внутренним устройством приготовить себе небывалое прежде благосостояние” [4: 37].

Наряду с главными чертами серболужицкого национального движения, которые Гильфердинг характеризует подробно, он упоминает еще о социально-экономическом положении саксонских лужицких сербов, рисуя – со слов Смолера – некую идиллию. Что касается серболужичан во владениях Пруссии, то они в представлении Гильфердинга беднее саксонских по причине более низкой плодородности почв их края [4: 42].

Работа Гильфердинга о лужицких сербах содержит указания на некоторые успехи науки в разработке проблем серболужицкого языка. Что же касается Нижней Лужицы, то там, по мнению автора, царит “умственное оцепенение”.

Изложенные в статье сведения многие десятилетия использовались в русской историографии, как в середине XIX века, так и позже. При этом заимствовались не только факты, но и оценки Гильфердинга, не всегда однозначные, часто тенденциозные⁸. Серболужицкие историки XX в., например, считают, что в революции 1848–1849 гг. для крестьянства, ремесленников и представителей других слоев трудового народа более важными задачами были социальное освобождение и демократизация общества, чем национальные требования, которые выдвигала консервативная буржуазная интеллигенция⁹.

“Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии” было самым крупным произведением Гильфердинга на рассматриваемую в нем тему. Но современники и более поздняя историография не обратили внимания на маленькую статью автора, опубликованную под названием “Известия из Нижних Лужиц” [20] в “Русской беседе” несколько позднее охарактеризованной. Эта работа вообще была забыта и не вошла в научный оборот при освещении вопроса об изучении Гильфердингом серболужицких сюжетов.

⁸ В этом можно убедиться, например, по содержанию работ: [23, 16].

⁹ См об этом: [31: 99–114].

Нет о ней упоминания и в новейшей литературе. Между тем статья содержит важные дополнительные сведения о национальной жизни в Нижней Лужице. В связи с обнаружением “нового” материала целесообразно изложить его здесь подробно.

А. Ф. Гильфердинг пишет: “В № 1 “Русской беседы” читатели могли встретить статью мою о возрождении серболужицкой народности. Некоторые из них помнят, может быть, что это замечательное явление в истории пробуждения славян происходило почти исключительно между верхними лужичанами и преимущественно в той части их, которая принадлежит Саксонии. У верхних лужичан в Пруссии умственной деятельности было меньше, а племя сербов нижнелужицких оставалось до сих пор в совершенной, можно сказать, бессознательности. В той же статье рассказано, как вследствие этого нижнелужицкое племя не переставало до нынешнего времени постоянно уменьшаться, а также упомянуты некоторые еще весьма слабые и чуть заметные признаки начинающегося в нем народного движения”. “Когда я писал эту статью несколько месяцев назад, – продолжает А. Гильфердинг, – была уже надежда, что Нижние Лужицы не будут потеряны для славянского мира, как многие спешили предвещать. Теперь, кажется, надежда сбывается. Вот что пишет мне в восторге радости г. Смолер, один из главных, если не главный двигатель славянского дела в затерянном уголке Германии, где недавно воскресла горсть сербов”. Далее русский ученый излагает содержание письма Смолера и приводит свои комментарии.

“Возстают мертвые! Так сказал я себе, когда пришла нежданная весть из Хотебуза. Я тотчас отправился в Хотебуз, чтобы разузнать хорошенько дело на месте. Оказывается, что новый директор хотебузской гимназии д-р Чирнер (Tschirner) исходатайствовал у прусского Министерства разрешение учредить там преподавание нижнелужицкого, а по возможности и верхнелужицкого языка для тех воспитанников, которые пожелают учиться по-сербски. Он пришел к этой мысли вследствие того, что прусские сербы отправляли своих детей в Саксонию, в будишинскую гимназию, где, как вам известно, преподается мною сербский язык. Когда директор обратился к хотебузским ученикам с вопросом, кто хочет посещать сербские уроки, то все гимназисты отозвались утвердительно. Сербским учителем назначен пока переводчик при хотебузском суде, старый кандидат богословия, который, к сожалению, знает только свое нижнелужицкое наречие, и то не научнообразно. Нет у нижних лужичан ни единого учебника. Я должен был дать учителю для руководства свою маленькую грамматику, и старался вообще ему доставить все, что могло быть ему полезным. Я условился с ним, что сочиню для нового преподавания небольшую ниже-сербскую грамматику и разговоры, и что напечатаю для нижних лужичан эти учебники и другие, если только сбудется моя мечта – учреждение славянской типографии в Будышине”. Прочитав письмо Я. А. Смолера, А. Ф. Гильфердинг замечает: “По нашим понятиям введение того или другого предмета в круг гимназического преподавания не составляет важного события. Но в маленькой области серболужицкой народности это дело значительное. Оно дает некоторое признание языку, на который доселе смотрели и смотрят, как на деревенское просторечие; оно приучит молодых гимназистов к родному слову, которое прежде забывалось в городе, оно обратит их внимание на эту речь и на народность, которой она служит пока единственной представительницей; и эти гимназисты со временем будут вероучителями, наставниками, сельскими хозяевами, одним словом – двигателями дремлющей еще славянской отрасли на Западе” [20].

Как видно из слов самого Гильфердинга, главным его информатором о положении лужицких сербов был Я. А. Смолер, занимавший первое место в серболужицком национальном движении, что и является высокой гарантией достоверности приводимых фактов. Разумеется, фактическая достоверность не исключает субъективных оценок явления в

целом, и субъективность в освещении характера серболужицкого возрождения, как указывалось выше, присуща не только русскому ученому, но и вождю лужицких сербов – Я. А. Смолеру¹⁰.

Указанные статьи А. Гильфердинга о лужицких сербах были наиболее подробными произведениями на рассматриваемую в них тему. В дальнейшем ученый уже не обращался к серболужицким сюжетам столь основательно, но установленные им связи с серболужицкими деятелями, в первую очередь со Смолером, не прекращались до конца жизни русского слависта. Именно Смолер переводил исторические сочинения А. Ф. Гильфердинга на немецкий язык. В 1856 г. на немецком языке вышел первый выпуск “Истории сербов и болгар” Гильфердинга¹¹, а в 1864 г. – второй ее выпуск. По утверждению издателя корреспонденции Я. А. Смолера д-ра Яна Цыжа (1899–1986) Смолер перевел на немецкий язык и издал всего четыре сочинения А. Гильфердинга¹². К этому следует добавить еще три статьи, которые помещены в “*Zeitschrift für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft*” (1862–1865). Скорее всего и эти переводы выполнены тоже Смолером. В переписке Смолера с русскими учеными имеются сведения и о переводе на немецкий язык работы А. Гильфердинга “Гус. Его отношение к православной церкви”¹³. Но, видимо, эта книжка на немецком языке в свет так и не вышла.

Заключая характеристику деятельности Гильфердинга по вопросу об изучении лужицких сербов, можно констатировать, что он был первым русским ученым, подробно освещавшим современную национальную жизнь этого народа. Он продолжал традицию изучения в России лужицких сербов, заложенную И. И. Срезневским.

-
1. Апанович Е. М. Архив А. И. Степовича // Советское славяноведение. 1982. № 5. С. 100.
 2. Гильфердинг А. История балтийских славян. М., 1855.
 3. Гильфердинг А. История балтийских славян. Ч. 2. – Борьба славян с немцами на Балтийском море в Средние века // Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4. 1874.
 4. Гильфердинг А. Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии (Письмо А. И. Кошелеву) // Русская беседа. 1856. Кн. 1.
 5. Гильфердинг А. Ф. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853.
 6. Гильфердинг А. Ф. О сродстве языка славянского с санскритским // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. 2. СПб., 1853.
 7. Лаптева Л. П. Иван Сергеевич Аксаков и лужицкие сербы (по архивным материалам) // Аксаковские чтения. Материалы научных конференций 1985 и 1987 годов. Вып. 2. 1989. С. 16–18.
 8. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 256–258.
 9. Лаптева Л. П. Профессор Московского университета О. М. Бодянский и его связи с лужицкими сербами // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1983. № 6. С. 30–39.
 10. Лаптева Л. П. Профессор Московского университета О. М. Бодянский и его связи с лужицкими сербами // *Lëtõpis. Rjad B. Zeš.* 37. 1990. S. 1–15.
 11. Лаптева Л. П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. М., 1997.
 12. Лаптева Л. П. Русский путешественник о лужицких сербах начала XIX века // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 86–92.

¹⁰ Мировоззрение, научные и политические взгляды Я. А. Смолера освещены в соч.: [13: 178–201].

¹¹ Под титулом: [29].

¹² Кроме упомянутых, как указано Я. Цыжом (*Lëtõpis* А. 17/1, 1970. S. 80) к ним относятся: “*Geschichte der baltischen Slaven*” (1857), “*Die Sprachlichen Denkmäler der Drevjaner und Glinjaner Elbslaven im Lüneburger Wendlande*” (1857), “*Reise durch Bosnien und Herzegowina*” (1857).

¹³ Письмо Я. А. Смолера – В. И. Ламанскому из Будишина 16/28 апреля 1872 г. // *Lëtõpis. Rjad* А. 16/1. 1969. S. 72.

13. *Лантева Л. П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до Первой Мировой войны (1914 года). М.: "МАКС Пресс", 2000.
14. *Лантева Л. П.* Русский славист XIX века П. П. Дубровский и лужицкие сербы // *Lětopis. Zeš.* 40. 1993. S. 45–53.
15. *Максимович М.* Письмо Василия Федоровича Тимковского (1813) // *Русский Архив.* 1871. № 12. С. 2118–2120.
16. *Петухов Е. В.* Лужицкие сербы. Из путевых заметок летом 1897. Юрьев, 1898.
17. Письмо А. Ф. Гильфердинга В. Ганке 7 марта 1856 г. // *Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель.* Издал В. Францев. Варшава, 1905.
18. Письмо А. Ф. Гильфердинга – И. И. Срезневскому из Сараева 3/15 сентября 1855 г. // ПФАРАН. Ф. 16. Оп. 5. № 180.
19. Письмо А. Ф. Гильфердинга – Ярославу Вртятко из Франценсбадена 12/24 сентября 1855 г. // *LAPNP. Rozústalost J. Vrt'átko. Sig.* 129/30.
20. *Русская беседа.* 1856. IV. Смесь. С. 127–128.
21. *Славяноведение в дореволюционной России.* Биобиблиографический словарь. М., 1979.
22. *Срезневский И.* Исторический очерк серболужицкой литературы // *ЖМНП.* Ч. XLII. 1844. № 7. С. 22–60.
23. *Францев В. А.* Матица Сербская в Будишине. СПб., 1897.
24. *Шейман Л. А.* Василий Тимковский, декабристы, Пушкин // *Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе.* Вып. 2. Фрунзе, 1969.
25. *Шейман Л. А.* Василий Тимковский и его дневник путешествия по Лужице. // *Lětopis.* 1983. В. 30/1. S. 12–53.
26. *Шейман Л. А.* Неизвестная рукопись Василия Тимковского // *Комсомолец Киргизии.* 1966, № 79–81.
27. *Шугуров И.* Илья Федорович Тимковский – педагог прошлого времени // *Киевская старина.* Т. 34. авг. 1891. С. 116–136.
28. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. XXXIII. СПб., 1901. С. 183.
29. *Hilferding A. Th.* Geschichte der Serben und Bulgaren. Bautzen, 1856.
30. *Laptewa L. P.* Ruski zastojnik-wučenc 1813/14 Lužicu wopisował // *Rozhlad. Lětnik.* 50. 2000. Čo. 2. S. 57–60.
31. *Šolta J., Zwahr H.* Stawizny Serbow. Zw. 2 – wot 1789 do 1917. Budyšin, 1975.

A. F. GILFERDING. TO THE PROBLEM OF LUSATIAN SORBS STUDIES IN RUSSIA IN XIXth CENTURY

Ludmila LAPTEVA

*The Lomonosov Moscow State University,
the History of Western and Southern Slavs department,
Vorobyovy Gory, the 1 building, 119992, Moscow, Russia
tel. (8 107 499) 122 67 18, e-mail: slav_sait@yahoo.com*

The article deals with the works of outstanding Russian scholar A. F. Gilferding (1831–1872), dedicated to the history and culture of Upper and Lower Lusatia, particularly to the national renaissance of Sorbs. The Lusatian-Russian relations and the contacts between A. Gilferding and J. A. Smoller apart are studied in this article.

Key words: A. F. Gilferding, J. A. Smoller, Slavic studies in Russia in XIXth century, Lusatian national renaissance.

Стаття надійшла до редколегії: 14.09.2008

Прийнята до друку: 25.12.2008